

И. В. Ружицкая

«Катастрофа» или нет: новейшая историография Крымской войны

Ряд отечественных авторов подвергает сомнению господствовавшие долгое время и продолжающие доминировать в исторической литературе взгляды на итоги Крымской войны как на сокрушительное поражение страны в целом. Последние базируются на ленинском выводе: «Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России»¹. Вот пример традиционного для отечественной историографии подхода в духе Владимира Ильича: «...поражение в Крымской войне было ужасным... Мир, подписанный в Париже в феврале 1856 г., самый унижительный в истории России XIX в. <...> Унижение России было бесспорно, позор был страшный»². В данной статье рассмотрены взгляды современных историков на события Восточной, или Крымской³ войны 1853–1856 гг., которые не совпадают с общепринятыми и устоявшимися в отечественной историографии оценками и выводами, подобными выраженным в процитированной выше статье С. В. Мироненко⁴.

Начнем с причин войны⁵.

По мнению А. В. Фененко, в России итоги Крымской войны считаются унижительным поражением потому, что игнорируются причины, связанные с предысторией войны. Исследователь напоминает об Ункяр-Искелесийском мирном договоре 1833 г. между Россией и Османской империей, предполагавшем военный союз между двумя странами в случае нападения на одну из них; дополнительная статья протокола разрешала Турции не посылать войска, но требовала перекрытия Босфора для всех стран, кроме России. В 1841 г. британской дипломатии удалось переиграть российскую, заключив Лондонскую

конвенцию, согласно которой был введен режим нейтрализации проливов, предполагавший закрытие Босфора и Дарданелл для военных судов всех стран. Следовательно, полагает Фененко, военные действия велись Россией не за раздел Османской империи, а против условий Лондонской конвенции 1841 г., поощрявших агрессивную политику британцев в Средиземном море⁶.

Некоторые современные исследователи призывают обратить внимание на религиозный фактор, ставший, с их точки зрения, не поводом, а причиной войны. Так, Л. В. Мельникова полагает, что, «подробно рассматривая политические и экономические причины Крымской войны, исследователи, как правило, лишь вскользь затрагивали вызвавший ее религиозный вопрос, считая его надуманным и искусственным». По ее мнению, это неправильный подход, поскольку «среди огромного множества причин, породивших войну, ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов и духовного, церковно-политического аспекта»⁷. Собственно, как известно, война началась из-за спора о том, кому должны принадлежать Святые места в Палестине. Исследователи в лучшем случае рассматривали этот спор как повод к войне, часть же из них вообще не придавала значения этому вопросу, утверждая, как, например, Е. В. Тарле, что это «мнимо-религиозная война двух императоров из-за каких-то предметов евангельской археологии»⁸. Между тем Мельникова полагает, что спор из-за Святых мест лишь видимая часть более глубокого противоречия между католическим Западом и православной Россией, она рассматривает его как составную часть «идейной борьбы Русской Церкви с католической духовной экспансией на Ближнем Востоке». Исходя из этого, она считает необходимым рассматривать этот спор в контексте всего комплекса отношений между странами как одну из основных причин начавшейся войны⁹.

Профессор Лондонского университета О. Файджес также полагает, что крымский конфликт представлял собой по сути религиозную войну¹⁰.

Историк из Севастопольского государственного университета Т. В. Вакулова, используя цивилизационный подход при изучении итогов и причин Крымской войны, приходит к выводу, что причины войны напрямую связаны с религиозным фактором, а ее главной причиной является нарушение закрепленного международными договорами права России на покровительство православия в Турции¹¹. Это не исключает признания ею причинами войны борьбы за гегемонию в Европе и за решение Восточного вопроса.

Причиной войны никак не могло стать стремление Николая I «добить и расчленить “больного человека Европы”», Османскую империю, не было у императора такого намерения; кроме того он мог взять Константинополь и покончить с Турцией как империей по крайней мере два раза (в 1829 и 1833 гг.) силами исключительно русских войск¹².

Теперь об итогах. Так ли они катастрофичны и губительны для Российской империи? Территориальные потери были незначительны и абсолютно не угрожали безопасности империи в целом, тем более что что-то удалось вскоре вернуть.

Известно, что, согласно условиям Парижского мира 1856 г., Россия потеряла право строить крепости на Черном море. Но подобные условия касались и Стамбула. Контроль над устьем Дуная установили союзники России — Молдавия и Валахия, в 1861 г. объединившиеся в Королевство Румынию, оказавшее Петербургу помощь в 1877–1878 гг., во время очередной русско-турецкой войны¹³.

Фененко предложил смотреть на итоги военного противостояния с точки зрения оценки ее результатов противниками России в войне, которые восприняли Парижский мир 1856 г. без энтузиазма. Так, один из главных инициаторов войны, премьер-министр Великобритании Генри Пальмерстон считал результаты противостояния «неопределенными» и был весьма недоволен таким окончанием военных действий: «Трактат сохранил Россию как огромную державу, способную через несколько лет, когда в результате более мудрой внутренней политики она разовьет свои необъятные естественные богатства, поставить под угрозу крупнейшие европейские интересы»¹⁴. Член Палаты общин от консервативной партии, публицист Эдвард Булвер-Литтон охарактеризовал итоги войны как «неудачные» («русская звезда на Востоке затмила британскую», — так образно он выразился). Позиция французского историка конца XIX в. солидарна с оценками британских современников событий: «...не этих результатов ожидала Европа... Россия казалась побежденной. Но, в общем, сопротивляясь врагам, она покрыла себя славой. Она вышла из войны без унижений. Ее территориальные границы были почти сохранены. Короткий период, в течение которого она собиралась с силами и проводила внутренние реформы, позволил ей вскоре возобновить свое движение вперед»¹⁵ (и это несмотря на то, что во Франции Парижский трактат 1856 г. однозначно считается победой Наполеона III!). Английский историк XX в. Тейлор более оптимистично смотрел на итоги войны, но тем не менее и он признавал, что «8 сентября Севастополь пал. Крымская война была выиграна, но союзники, как и прежде, не знали, что делать со своей победой. Они были в затруднении, в каком месте атаковать Россию»¹⁶. Современный английский политолог Нил Макфарлейн считает итоги войны поражением Великобритании¹⁷.

Почему же отечественные исследователи снова и снова писали о катастрофе Крымской войны, хотя каких-либо жизненно важных территорий мы не потеряли, а наши противники вовсе не считали себя победителями? На данный момент существует целый ряд работ, авторы которых по-иному, нежели их предшественники, оценивают итоги войны и причины поражения в ней. В чем-то их точка зрения близка к точке зрения наших противников. Эти авторы являются приверженцами идеи о том, что Россия проиграла войну, но не была побеждена.

Сторонники идеи о том, что итоги войны не были для империи позором и катастрофой, считают, что степень военной отсталости России от Англии и Франции в области вооружений сильно преувеличена, а ее готовность отразить военную угрозу преуменьшена. Прежде всего был далек от катастрофы военный

баланс. Русские потерпели поражение в сражениях при реках Альма и Черная, но ни одно из этих поражений не сравнить по масштабу с Седаном или Ватерлоо, когда Франция дважды теряла собственную армию. В то же время важнейший участник европейской коалиции Британия не смогла достичь в ходе военных действий решительного перелома не только в Крыму, но и на остальных направлениях, во время осады Петропавловска-Камчатского, Таганрога, Соловецкого монастыря, попытки блокады Санкт-Петербурга. Взятие же русскими войсками в ноябре 1855 г. стратегически важной крепости Карс — ворот в Индию и Персию — было воспринято в Лондоне как тяжелейшее поражение. В то же время Россия не позволила высадить десант на южном побережье Финского залива благодаря использованию мин Якоби с химическими контактными взрывателями — передовой по тем временам военной технологии.

А. В. Кухарук доказывает: тезис, что николаевская Россия имела отсталую систему комплектования войск, несостоятелен. Он утверждает, что при сохранении традиционного названия воинской повинности — рекрутская, в 1830–1840-е гг. в России фактически была введена конскрипционная система¹⁸. Полностью внедрить ее мешало крепостное право. Тем не менее она позволила развернуть колоссальную для того времени армию. По подсчетам Кухарука, к началу 1856 г. под ружье удалось поставить вместе с ополчением более двух миллионов трехсот тысяч человек, и это несмотря на потери в войне¹⁹.

По расчетам современного американского исследователя Ф. Кэгана, количество мобилизованных достигало двух с половиной миллионов человек; он считает развертывание такой многочисленной армии «одним из наиболее впечатляющих достижений русского оружия в XIX в.»²⁰. Кэган также полагает, что проигрыш России в Восточной войне был обусловлен изначальной безнадежностью ее стратегического положения, а не являлся следствием военного поражения. Техническая отсталость и слабость военной администрации, по его мнению, не имела на этом фоне принципиального значения: исход борьбы был предрешен прочной политической изоляцией России и географической разбросанностью потенциальных театров военных действий. Сильно преувеличена, считает американский исследователь, и неэффективность николаевской военной системы. И далее он констатирует: в Восточной войне русская армия «добилась даже больших результатов, чем от нее можно было ожидать»²¹.

В работах О. Р. Айрапетова присутствует стремление уточнить истинные и мнимые причины поражения России в Крымской войне; выводам автора о том, что Россия не могла одержать победу, сопутствует его резюме: сам по себе исход противостояния изолированной России с вражеской коалицией «отнюдь не свидетельствовал о слабости империи Николая I»²².

В исследовании А. А. Кривопалова предпринята попытка ответить на вопрос: была ли русская стратегия в заключительное семилетие царствования Николая I провалом, дискредитировавшим практически все результаты военного строительства 1830–1850-х гг., или же, напротив, эта стратегия стала опти-

мальным выходом из политически и стратегически безнадежной ситуации, сложившейся в ходе Крымской войны, выходом, состоявшимся именно благодаря этим результатам. Выводы автора предлагают принципиально иной по сравнению со сложившейся историографической традицией взгляд на события, предшествовавшие Восточной войне и сопутствовавшие ей. По его мнению, работы по этой войне долгое время ограничивались подробным описанием событий Крымской кампании, а «события на других фронтах, особенности внешнеполитической обстановки на разных стадиях конфликта, а также их возможное влияние на исход боевых действий в значительной степени оставались без внимания». Между тем для стратегических планов Николая I и И. Ф. Паскевича крымское направление не было главным — наиболее опасным им представлялось западное направление, где и были дислоцированы лучшие воинские подразделения и многочисленные резервы. В отечественной же историографии, отмечает Кривоपालов, «наблюдалась тенденция своеобразной редукции проблемы исхода Восточной войны до проблемы обороны Севастополя»²³.

С Кривоपालовым солидарен и М. М. Шевченко: потеря Царства Польского и литовско-белорусских губерний могла закончиться катастрофой, их отторжением от Российской империи, тем более что подобные планы строились не где-нибудь, а в воюющей с Россией Англии²⁴.

Сосредоточение внимания историков Восточной войны на Крымском театре военных действий представляется ученым этого направления неправильным — они не считают его основным и доказывают, что исход войны был русским командованием просчитан с самого начала.

Работы исследователей, чья точка зрения представлена в статье, содержат и целый ряд фактов, опровергающих тезис об отсталости русской армии в техническом и административном отношении. Шевченко подверг сомнению утверждение, что Россия проиграла войну союзникам в том числе и из-за острой нехватки нарезного стрелкового оружия. Утверждение это он признает ошибочным, ведь полностью оснащенных таким оружием армий в то время не существовало. Нарезные винтовки новой, усовершенствованной формы большая часть французских войск получила перед отправкой в Крым. Но самое главное, с его точки зрения, что в 1840–1850-е гг. модернизация ручного стрелкового оружия, происходившая везде, в том числе в России, приводила к увеличению скорострельности, а не дальнобойности (300 ярдов против 100). В большой маневренной войне этому придавалось большое значение. Нарезные винтовки или штуцера, заряжавшиеся с дула, превосходя гладкоствольные ружья в дальности боя, значительно уступали им по скорострельности. Количество же пехотинцев со штуцерами в России почти достигало общего числа легкой пехоты Франции и Австрии вместе взятых²⁵.

Таким образом, освещение целого ряда проблем Восточной войны в новом тысячелетии подвергнуто пересмотру. К ним относится и вопрос о возможности или невозможности продолжать войну после 1855 г. Французский историк

конца XIX в. А. Дебидур писал о взятии союзниками Севастополя: «...с военной точки зрения победа союзников не была решающей... Русские эвакуировали только южную часть города и <...> отступили в северную... Последнее усилие истощило и коалицию». Выводы исследователя об общих итогах войны весьма неприятны для французских читателей: «...несмотря на ожесточенный и производившийся во многих направлениях штурм, которому подверглась Российская империя, она оставалась еще почти нетронутой»²⁶. В это время противники России испытывали, как и она, глубокий финансовый кризис, совокупные людские потери стран антирусской коалиции были вполне сопоставимы с потерями России (так, Франция потеряла там 30 % состава армии). Скорее всего, именно осознание этого факта стало причиной того, что Александр II в 1863 г. так сокрушался: «Семь лет тому назад <...> я подписал Парижский трактат, и это было трусостью»²⁷.

Иркутский исследователь А. Ермаков предпринял попытку связать вопрос об итогах Крымской войны с историей современной России: он полагает, что середина XIX в. — это начало попыток англосаксов осуществить глобализацию планеты, успешно реализованной в наши дни. На пути глобализации стояла Россия, которая, «даже не прибегая к вооруженному вмешательству, самим фактом своего существования и развития ежедневно доказывала миру, что крупное государство может строиться, хозяйствовать и добиваться определенных успехов, не следуя нормам буржуазного права и протестантской этики»²⁸. По его мнению, «николаевская Россия (1825–1855) справедливо может быть названа пиком русского влияния в мире»: «...никогда ни прежде, ни после Россия в лице своего высшего руководителя с такой безапелляционной решимостью не пыталась диктовать Европе свою волю, настаивая при этом на своей особой роли в защите всех европейских традиций, в том числе и русской». Ермаков убежден, что именно «конец этой эпохи <...> определил в качестве нормы не столько сотрудничество, сколько противостояние России и Европы». И, собственно, углубление конфликта между «передовыми», т. е. дальше других продвинувшимися по пути глобалистского прогресса, странами Европы», которые «уже не могли допустить свободного и стабильного существования подобного конкурента», и стало одним из факторов, приведших к Восточной войне. Возможно, в таком подходе есть и рациональное зерно. Ермаков не столь оптимистично настроен в отношении итогов войны, как исследователи, о которых говорилось выше. В свойственном ему духе он проецирует их на перспективу. По мнению исследователя, «военное поражение обернулось для России религиозно-идеологической капитуляцией образованного общества перед западными ценностями», которая, наряду с трудностями экономического порядка, существенно повлияла на характер и итоги реформ 1860-х гг. В результате проведенных преобразований, как полагает Ермаков, «Россия фактически утратила те внутренние сословно-корпоративные механизмы, которые на протяжении двух с половиной столетий обеспечивали ей относительную внутреннюю стабильность и позволяли в решающие моменты от-

ражать серьезные внешние угрозы. После утраты этих механизмов развал и распад Российской империи и ее государственного строя был только делом времени». Таким образом, «Восточную войну 1853–1856 гг. можно рассматривать как первое фундаментальное поражение России в борьбе с фундаментализмом», — заключает Ермаков. Он пишет и о развязанной Западом информационной войне против России, благодаря которой образ ее как врага надолго был закреплен в европейском мире, — поневоле удивиться совпадению созданного им образа с нынешней международной ситуацией. На наш взгляд, Ермаков слишком увлекся задачей актуализации проблем Восточной войны и попытался поднять их до уровня острых вопросов, волнующих мир в наше время, хотя предвидеть сегодняшнюю информационную войну против России и ее изоляцию вряд ли мог (первая его работа на эту тему вышла в 2006 г.).

Таким образом, историки, о которых идет речь, одинаково представляют историю Восточной войны, изучая ее как событие во внешней политике России, с обязательным учетом ее военно-стратегической составляющей (Айрапетов). Они сосредотачивают свое внимание на «проблеме выбора стратегического приоритета в условиях войны», который заведомо «исключал для России победный исход», но «позволял свести к минимуму ее потери» (Кривопапов)²⁹; таким приоритетом было обусловлено сосредоточение основной группировки русских войск у границ Австрии. Оно отвечало «именно той задаче, которая имела первостепенную важность в обстановке навязанного России затяжного противостояния на измор» (Кухарук); «прочная дипломатическая изоляция России предопределила неудачный исход войны, и борьба могла вестись лишь за наименее худшие условия мира» (Шевченко)³⁰. В целом, как отмечалось выше, все эти исследователи отвергают не только тезис об отсталости России как основной причине ее поражения в Крыму, но и само поражение.

Сторонников подобного подхода С. В. Мироненко назвал «ревизионистами»³¹, с иронией охарактеризовав их утверждение, что «русская армия была не так плоха» следующим образом: «...все это было бы хорошо, если бы было правдой»³². Между тем авторы рассмотренных выше работ, как нам представляется, вполне аргументированно, с привлечением новых источников обосновывают свое видение событий Восточной войны 1853–1855 гг. Очень хочется поверить в предложенную ими версию происшедшего и согласиться с автором фундаментальной биографической работы о Николае I Л. В. Выскочковым: «Для России война закончилась позорным миром, но не позорным поражением. <...> Россия *на время* (курсив мой. — И. Р.) осталась без черноморского флота и перестала быть Дунайской державой. Впрочем, ненадолго»³³.

Фененко полагает, что «результаты войны оказались *боевой ничьей* (курсив мой. — И. Р.) и для России, и для “крымской коалиции”», а ее «стратегические результаты оказались менее благоприятными для Великобритании и Англии, чем для России: ведь именно они дали “карт-бланш” на создание их главного противника — Германской империи»³⁴.

- ¹ Ленин В. И. Крестьянская реформа и пролетарско-крестьянская революция // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. М.: Изд-во полит. лит.-ры, 1973. Т. 20. С. 173.
- ² Мироненко С. В. Тридцать лет одиночества // Родина: Николаевская эпоха. М., 2013. № 3. С. 2.
- ³ Крымской война названа в отечественной историографии послеоктябрьского периода.
- ⁴ По мнению М. М. Шевченко, историографическая традиция до сих пор несет на себе отчетливый отпечаток оценки николаевского наследия общественным мнением 1850-х гг., сделанной сквозь призму «мрачного семилетия» (1848–1855) и прочно утвердившейся в исторической памяти интеллигенции второй половины XIX — начала XX в. (Шевченко М. М. Историческое значение политической системы императора Николая I: новая точка зрения // Труды ГИМ: XIX в. в истории России. Современные концепции истории России XIX века и их музейные интерпретации. Т. 163. М., 2007. С. 302).
- ⁵ Сложность простого ответа на данный вопрос следующим образом охарактеризовал Алексис Трубецкой, канадский ученый с русскими корнями: «...причины Крымской войны, самой странной и ненужной в истории, столь переплетены, что не допускают простого определения» (Трубецкой А. Крым. М.: Ломоносов, 2010).
- ⁶ Фененко А. Черная легенда. Размышления о Крымской войне с высоты 2016-го года // РСМД: [сайт]. 2016. 23 августа. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/alexei-fenenko/_2674/ (дата обращения: 15.12.2023). Алексей Валериевич Фененко — к. и. н., д. п. н., проф. факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова.
- ⁷ Мельникова Л. В. Русская Православная церковь и Крымская война 1853–1856 гг. М.: Кучково поле, 2012. С. 16, 26.
- ⁸ Тарле Е. В. Крымская война. Т. I. М.; Л., 1950. С. 136, 135. Подробнее см.: Мельникова Л. В. Русская Православная церковь и Крымская война 1853–1856 гг. С. 16–40.
- ⁹ Мельникова Л. В. Русская Православная церковь и Крымская война 1853–1856 гг. С. 26.
- ¹⁰ Файджес О. Крым: последний крестовый поход. М.: Rosebud Publishing, 2021.
- ¹¹ Вакулова Т. В. Крымская война: конфликт цивилизаций // Вестник ВолГУ. Сер. 4. История. Религиоведение. Межд. отношения. 2016. Т. 21, № 6. С. 38, 43. Вакулова утверждает, что «главное событие этого межцивилизационного конфликта происходит в Крыму и Севастополе, не только военной базе России на Черном море, но и колыбели русского православия». Вывод этот далеко не беспорен.
- ¹² Как пишет Фененко, «ни в одном официальном документе русский кабинет не заявил о намерении присоединить к России османские провинции. Претензии подобного рода обосновываются ссылками на неофициальные (и, зачастую, вольно трактуемые) высказывания Николая I, вырванные из контекста и дошедшие до нас через третьи руки» (Фененко А. В. Черная легенда. Размышления о Крымской войне с высоты 2016-го года). См. также: Княпина Н. С. Ункяр-Искелесийский договор 1833 г. URL: <http://Annales.info/islam/turkey/uid.htm?ysclid=lw4m6xdtqk313940904> (дата обращения 15.12.2023).
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Цит. по: Тейлор А. Дж. Борьба за господство в Европе. 1848–1918. М., 1958. С. 126.
- ¹⁵ Дебидур А. Дипломатическая история Европы. 1814–1878. Т. 2. Ростов-на-Дону, 1995. С. 120, 122–123.
- ¹⁶ Тейлор А. Дж. Борьба за господство в Европе. 1848–1918. С. 126.
- ¹⁷ Полуни А. Уроки и мифы Крымской войны // Свободная пресса. 2015. 7 декабря. URL: <https://svpressa.ru/post/article/137672/> (дата обращения 15.12.2023).
- ¹⁸ Конскрипционная система, или конскрипция — система комплектования армии на основе воинской повинности с допущением замены призываемого и денежного выкупа (существовала во Франции и в ряде других европейских стран до 1860-х гг., была заменена всеобщей воинской повинностью).
- ¹⁹ Кухарук А. В. Действующая армия в военных преобразованиях правительства Николая I: дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 1999. С. 57–79, 79–82, 182. Кухарук считает, что русская армия перед Крымской войной ничем не уступала, а порой и превосходила западноевропейские армии.

- ²⁰ Kagan F. W. The military reforms of Nicolas I. The origins of the modern Russian army. New York, 1999. P. 243.
- ²¹ Ibid. P. 245; см. также: Кривопапов А. А. Фельдмаршал И. Ф. Паскевич и русская стратегия в 1848–1855 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 2013. С. 23.
- ²² Айрапетов О. Р. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М.: Европа, 2006. С. 208, 219.
- ²³ Кривопапов А. А. Фельдмаршал И. Ф. Паскевич и русская стратегия в 1848–1855 гг. С. 9.
- ²⁴ Союзники Англии по блоку в начале войны были поражены «мирными» планами английского министра внутренних дел Г. Пальмерстона, согласно которым Аладские острова и Финляндию следовало вернуть Швеции, прибалтийские губернии присоединить к Пруссии, устье Дуная — к Австрии, Крым и Закавказье — к Турции. «Независимые» черкесский Кавказ и Польша (восточная граница которой проходила чуть ли не по Днепру) по этому же плану должны были окончательно «выдавить» Россию из Европы. Подобные планы вынашивал и Наполеон III: существует свидетельство российского дипломата, которому французский император сообщал: «Я намерен... приложить все усилия, чтобы воспрепятствовать вашему влиянию и заставить вас вернуться в Азию, откуда вы и пришли. Россия не европейская страна, она не должна быть и не будет таковой, если Франция не забудет о той роли, которую ей надлежит играть в европейской истории... Стоит ослабить ваши связи с Европой, и вы сами по себе начнете движение на Восток, чтобы вновь превратиться в азиатскую страну. Лишить вас Финляндии, балтийских земель, Польши и Крыма не составит труда».
- ²⁵ Шевченко М. М. Историческое значение политической системы императора Николая I: новая точка зрения. С. 283. Шевченко язвительно добавляет, что «в 1870 г. вооруженность всей французской пехоты лучшей, чем у прусских солдат, винтовкой Шаспо не мешает Франции быть наголову разбитой Пруссией», таким образом, поддерживая вывод об отсутствии непосредственной связи между уровнем вооружения армии и исходом сражения или войны в целом (Там же).
- ²⁶ Дебидур А. Дипломатическая история Европы. 1814–1878. Т. 2. Ростов-на-Дону, 1995. С. 120, 122–123.
- ²⁷ Цит. по: Айрапетов О. Р. Забытая карьера «русского Мольтке». Николай Николаевич Обручев (1830–1904). СПб., 1998. С. 158.
- ²⁸ Ермаков А. Крымская война 1853–1856 // Москва. 2014. Март. С. 145–158. URL: https://moskvam.ru/publications/publication_1073.html#_ftn1 (дата обращения 15.12.2023).
- ²⁹ Кривопапов А. А. Фельдмаршал И. Ф. Паскевич и русская стратегия в 1848–1855 гг. С. 6. Похожее высказывание содержит и работа Кухарука, утверждавшего, что Россия проиграла Крымскую войну постольку, поскольку она не могла ее выиграть: в одиночку сокрушить западноевропейскую коалицию было не под силу даже сильнейшей армии Европы (Кухарук А. В. Действующая армия в военных преобразованиях правительства Николая I. С. 23).
- ³⁰ Шевченко М. М. Историческое значение политической системы императора Николая I: новая точка зрения. С. 283.
- ³¹ К ним можно отнести и А. Г. Бесова (Бесов А. Г. Военная политика России в XIX в. М., 2001).
- ³² Мироненко С. В. Тридцать лет одиночества // Родина: Николаевская эпоха. М., 2013. № 3. С. 3.
- ³³ Выскочков Л. В. Николай I. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 411.
- ³⁴ Фененко А. В. Черная легенда. Размышления о Крымской войне с высоты 2016-го года. Фененко прямо пишет, что на всех фронтах, кроме Западного Крыма, успех скорее был у России.

References

- AIRAPETOV O. R. Vneshnyaya politika Rossiiskoi imperii (1801–1914). [Foreign policy of the Russian Empire (1801–1914). In Russ.]. Moscow: Evropa, 2006.
- AIRAPETOV O. R. Zabytaya kar'era "russkogo Moltke". Nikolai Nikolaevich Obruchev (1830–1904). [The forgotten career of the "Russian Moltke". Nikolai Nikolaevich Obruchev (1830–1904). In Russ.]. St. Petersburg, 1998.
- BESOV A. G. Voennaya politika Rossii v XIX v. [Military policy of Russia in the 19th century. In Russ.]. Moscow, 2001.
- DEBIDUR A. Diplomaticeskaya istoriya Evropy. 1814–1878. [Diplomatic history of Europe. 1814–1878. In Russ.]. T. 2. Rostov-on-Don, 1995.
- ERMAKOV A. Krymskaya voina. [Crimean War. In Russ.] // Moskva. 2014. No. 3. P. 145–158. URL: https://moskvam.ru/publications/publication_1073.html#_ftn1 (date of access: 15.12.2023).
- FAIDZHES O. Krym: poslednii krestovyi pokhod. [Crimea: the last crusade. In Russ.]. Moscow: Rosebud Publishing, 2021.
- FENENKO A. V. Chernaya legenda. Razmyshleniya o Krymskoi voine s vysoty 2016-go goda. [The Black legend. The reflections on the Crimean War from the heights of 2016. In Russ.] // RSMD. 2016. 23 Aug. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/alexei-feneko/_2674/ (date of access: 15.12.2023).
- KAGAN F. W. The military reforms of Nicolas I. The origins of the modern Russian army. New York, 1999.
- KRIVOPALOV A. A. Feldmarshal I. F. Paskevich i russkaya strategiya v 1848–1855 gg. [Field Marshal I. F. Paskevich and Russian strategy in 1848–1855. In Russ.]: dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, 2013.
- KUKHARUK A. V. Deistvuyushchaya armiya v voennykh preobrazovaniyakh pravitelstva Nikolaya I [The active army in the military transformations of the government of Nicholas I. In Russ.]: dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, 1999.
- LENIN V. I. "Krestyanskaya reforma" i proletarsko-krestyanskaya revolyutsiya. ["Peasant reform" and proletarian-peasant revolution. In Russ.] // Lenin V. I. Poln. sobr. soch.: v 55 t. 5th ed. Moscow: Izd-vo polit. lit-ry, 1973. T. 20. S. 171–180.
- MELNIKOVA L. V. Russkaya Pravoslavnaya tserkov i Krymskaya voina 1853–1856 gg. [The Russian Orthodox Church and the Crimean War 1853–1856. In Russ.]. Moscow: Kuchkovo pole, 2012.
- MIRONENKO S. V. Tridsat' let odinochestva [Thirty Years of Solitude. In Russ.] // Rodina: Nikolaevskaya epokha. Moscow, 2013. No. 3. S. 2–5.
- POLUNIN A. Uroki i mify Krymskoi voiny. [Lessons and myths of the Crimean War. In Russ.] // Svobodnaya pressa. 2005. 7 Dec. URL: <https://svpressa.ru/post/article/137672/> (date of access: 15.12.2023).
- SHEVCHENKO M. M. Istoricheskoe znachenie politicheskoi sistemy imperatora Nikolaya I: novaya tochka zreniya. [The historical significance of the political system of Emperor Nicholas I: a new point of view. In Russ.] // Trudy GIM: XIX v. v istorii Rossii. Sovremennyye kontseptsii istorii Rossii XIX veka i ikh muzeinye interpretatsii. T. 163. Moscow, 2007. S. 281–302.
- TARLE E. V. Krymskaya voina. [The Crimean War. In Russ.]: v 2 t. T. I. Moscow; Leningrad, 1950.
- TEYLOR A. DZH. Borba za gospodstvo v Evrope. 1848–1918. [The struggle for dominance in Europe. 1848–1918. In Russ.]. Moscow, 1958.
- TRUBETSKOY A. Krym. [Crimea. In Russ.]. Moscow: Lomonosov, 2010.
- VAKULOVA T. V. Krymskaya voina: konflikt tsivilizatsij. [Crimean War: conflict of civilizations. In Russ.] // Vestnik VolGU. Ser. 4. Istoriya. Religiovedenie. Mezhd. otnosheniya. 2016. T. 21, no. 6. S. 38–44.
- VYSKOCHKOV L. V. Nikolai I. [Nikolai I. In Russ.]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2006.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

И. В. Ружицкая. «Катастрофа» или нет: новейшая историография Крымской войны // Петербургский исторический журнал. 2024. № 2. С. 23–33

Аннотация: Исследователи, о которых идет речь в статье, оценивают итоги войны и причины поражения в ней вопреки традиции, сложившейся в отечественной историографии за полтора столетия. Они считают, что степень военной отсталости России от Англии и Франции в области вооружений сильно преувеличена, а ее готовность отразить военную угрозу преуменьшена. Часть этих историков полагает, что проигрыш России в войне был обусловлен изначальной безнадежностью ее стратегического положения, а не являлся следствием военного поражения. Техническая отсталость и слабость военной администрации, по их мнению, не имела на этом фоне принципиального значения: исход борьбы был предreshen прочной политической изоляцией России и географической разбросанностью потенциальных театров военных действий.

Ключевые слова: Российская империя, союз европейских государств и Турции, Крымская война: причины и итоги, император Николай I, русская армия.

FOR CITATION

I. V. Ruzhitskaya. “Catastrophe” or not: the latest historiography of the Crimean War // Petersburg historical journal, no. 2, 2024, pp. 23–33

Abstract: The researchers discussed in the report evaluate the results of the war and the reasons for its defeat, contrary to the tradition that has developed in Russian historiography over a century and a half. They believe that the degree of Russia’s military backwardness from England and France in the field of weapons is greatly exaggerated, and its readiness to repel a military threat is understated. Some of these historians believe that Russia’s loss in the war was due to the initial hopelessness of its strategic position, and was not a consequence of military defeat. The technical backwardness and weakness of the military administration, in their opinion, had no fundamental significance against this background: the outcome of the struggle was predetermined by the strong political isolation of Russia and the geographical dispersion of potential theaters of military operations.

Key words: Russian Empire, union of European states and Turkey, Crimean War: causes and results, Emperor Nicholas I, Russian army.

Автор: Ружицкая, Ирина Владимировна — д. и. н., ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук.

Author: Ruzhitskaya, Irina Vladimirovna — Dr. sci. hum., Leading Researcher of the Institute of Russian history of the Academy of Sciences of Russia.

E-mail: iraruz@gmail.com